

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А.М. Кулегин, А.П. Смирнов

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»: МУЗЕЙНЫЙ ВЗГЛЯД

**Кулегин Алексей Михайлович – кандидат исторических наук,
заведующий редакционно-издательским сектором
Государственного музея политической истории России (ГМПИР).**

**Смирнов Александр Павлович – кандидат исторических наук,
заведующий научно-экспозиционным отделом ГМПИР.**

Доступ к неизвестным ранее архивным материалам ФСБ и углубленная работа с документами собственных фондов позволили Государственному музею политической истории России (ГМПИР) подойти по-новому к теме «Ленинградское дело».

«Ленинградское дело» стало одним из последних сфабрикованных сталинским режимом политических процессов. По своему охвату и продолжительности оно стало своего рода «чемпионом» в длинной череде политических репрессий сталинского периода. Его жертвами в 1949–1952 гг. стали все руководители ленинградских областной, городской и районных организаций ВКП(б), почти все государственные деятели, выдвинутые после Великой Отечественной войны на руководящую работу в Москву и в другие регионы СССР. Этот комплекс событий сыграл исключительно негативную роль во всей политической истории нашей страны конца 40-х – начала 50-х годов прошлого века. «Ленинградское дело» окончательно похоронило надежды на возможность модернизации и демократизации общества в рамках сталинского социализма, была сорвана пусть даже и весьма робкая попытка пересмотреть приоритеты государственной политики в сторону интересов конкретного человека, которую пыталась предпринять «ленинградская группа» во главе с Н.А. Вознесенским и А.А. Кузнецовым. Дело на долгие десятилетия обрекло северную столицу на участь великого города с областной судьбой.

Видным партийным, советским и хозяйственным работникам, связанным так или иначе с Ленинградом, было предъявлено обвинение в измене Родине,

в противопоставлении ленинградской парторганизации ЦК ВКП(б). Следствие велось незаконными методами, арестованных в «лучших» традициях сталинского режима подвергали жестоким пыткам и издевательствам. Чтобы вырвать у них признание в несуществующих преступлениях, угрожали расправиться с их семьями и родственниками, что и произошло на самом деле – большинство родственников основных фигурантов «Ленинградского дела» также подверглись арестам, ссылкам или оказались узниками ГУЛАГа. «Открытый» судебный процесс над центральной группой обвиняемых, состоявшийся 29–30 сентября 1950 г. в Ленинграде, превратился в трагический фарс, так как приговор подсудимым был подготовлен заранее и отредактирован лично Сталиным. 1 октября 1950 г. в 2.00, спустя час после оглашения приговора, Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин были расстреляны. Прах их тайно захоронили на Левашовской пустоши под Ленинградом. И.М. Турко, Т.В. Закржевскую и Ф.Е. Михеева осудили на длительное тюремное заключение [3].

После расправы над центральной группой состоялись судебные процессы над остальными лицами, проходившими по «Ленинградскому делу». Приговоры отличались такой же жестокостью и заранее известным финалом. В Москве были расстреляны 20 человек, их тела вывезли на кладбище Донского монастыря, кремировали и сбросили в яму.

Разгрому и физическому уничтожению подверглись не только представители партийно-советского руководства Ленинграда и ряда других регионов. Тяжелый удар был нанесен и по многим хозяйственным руководителям, деятелям науки и культуры, прежде всего по представителям петербургско-ленинградской школы экономической, исторической и ряда других гуманитарных наук. Всего свыше 300 человек, включая членов семей, были осуждены к тюремному и лагерному заключению, к ссылке [4].

Для ГМПИР – старейшего в стране историко-политического музея – обращение к тематике, связанной с «Ленинградским делом», имеет особое значение. Дело в том, что наш музей до известной степени и сам являлся одной из жертв этой ленинградской трагедии. Обычно в связи с «Ленинградским делом» принято вспоминать об уничтожении Музея обороны Ленинграда. Однако 1949–1953 гг. стали одной из самых черных страниц и в истории Государственного музея революции (ГМР) – такое название тогда носил наш музей, созданный в октябре 1919 г. Черная полоса в жизни музея началась уже после окончания Великой Отечественной войны, когда он лишился своей основной площадки в Зимнем дворце, что привело к практически полному свертыванию экспозиционной и собирательской работы. После начала «Ленинградского дела» на него обрушились новые сильнее удары. Бесчисленные «отборочные комиссии» выяснили, что фонды ГМР «засорены» неэкспозиционными, «порочными и политически вредными материалами».

Особое негодование цензоров вызвало то, что музейщики осмелились сохранить подлинные свидетельства истории либеральных и небольшевистских социалистических партий, документы и плакаты Белого движения. Начались непрерывные чистки фондовых коллекций, в результате чего музей, который сумел сохранить свои основные реликвии в период «Большого террора» 1937–1938 гг., Великой Отечественной войны и Ленинградской блокады, лишился половины своего собрания. Свыше 100 тыс. раритетов – документов, листовок, плакатов, фотографий были либо уничтожены, либо переданы в другие архивные хранилища. Во дворах Петропавловской крепости, где тогда размещался музей, запылали огромные костры, в огне которых безвозвратно сгорела часть нашей исторической памяти, восстановить которую в полной мере, увы, несмотря на все усилия научного коллектива музея, не удалось и до сих пор. Были уничтожены и материалы, относящиеся к деятельности ленинградских руководителей, внесших значительный вклад в достижения Победы над Германией и послевоенное восстановление Ленинграда.

С приходом «хрущёвской оттепели» процесс возрождения музея стал знаковым событием для всей северной столицы, только что начавшей оправляться от последствий «Ленинградского дела».

Однако в советское время в экспозиции тогдашнего музея Октябрьской революции оно по понятным причинам не освещалось. Лишь начиная с перестроечных времен, сотрудники ГМПИР стали встречаться как с фигурантами, так и членами семей репрессированных по «Ленинградскому делу». Правда, после ареста и отбытия несправедливого наказания у них мало что сохранилось. Зачастую это были лишь справки об освобождении из мест заключения и реабилитации, предметы лагерного творчества. Больше повезло тем, у кого родные или знакомые, несмотря на возможные серьезные неприятности, осмелились сохранить фотографии, документы, вещи. В результате целенаправленной собирательской работы, которой были охвачены свыше 300 семей, музей получил немногие, чудом сохранившиеся реликвии. В 2004 г. в стенах ГМПИР прошла научная конференция с участием репрессированных по «Ленинградскому делу», работала выставка «“Ленинградское дело” в судьбах людей». Сегодня коллекция нашего музея по данной теме в сравнении с другими музейными собраниями наиболее полно отражает масштаб и характер «Ленинградского дела». Этим трагическим событиям посвящен один из комплексов экспозиции «Советская эпоха: Между утопией и реальностью». Однако, к сожалению, большая часть экспонатов по данной тематике не вошла в постоянную экспозицию ГМПИР и все еще остается в музейных фондах.

До сих пор «Ленинградское дело» окружено многочисленными мифами и домыслами. Немногим более 20 лет назад общество открыло для себя эту трагическую страницу в истории страны и нашего города. В 1990 г. появи-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

лась книга «Ленинградское дело» под редакцией писателя В. Демидова и историка В. Кутузова, которая сохраняет свою ценность до сегодняшнего дня, поскольку авторы общались с фигурантами этого «Дела» и собрали объемные свидетельства о тех событиях [5]. К сожалению, книга не имела иллюстраций, и читатель не мог увидеть лица людей, оказавшихся в молохе сталинских репрессий. В последующее время российские и петербургские историки, телевизионные и газетные журналисты неоднократно обращались к событиям «Ленинградского дела» [2]. Среди телевизионных проектов следует особо выделить показанный в свое время по каналу «Культура» сериал «Ленинградская трагедия» (Россия, 2005). Правда, зачастую авторы статей и передач уделяли больше внимания политическим причинам фабрикации «Дела», нежели биографиям и судьбам репрессированных по нему людей. Поэтому в целом сохранялась проблема обезличенности «Ленинградского дела». Действительно, старшее поколение горожан может узнать по фотографии самое большее лишь трех-четырех наиболее известных политиков из репрессированной «ленинградской группы» – А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, Н.А. Вознесенского, а молодежь, как показывает наш музейный опыт, увы, не знает вообще никого. Музеем было собрано более 100 фотографий репрессированных по «Ленинградскому делу». И хотя эти изображения зачастую не очень высокого качества, они уникальны, поскольку многие из них не сохранились даже в фотоархивах. Кроме того, визуальный ряд позволяет увидеть круг лиц, вовлеченных в это «дело», и высветить человеческий аспект этой трагедии, который зачастую забывается в исторических спорах о политической подоплеке «Ленинградского дела». Когда вглядываешься в лица детей, жен, престарелых родителей, на долю которых выпали такие же испытания (тюрьмы, этапы, лагеря, ссылки), как и главных фигурантов «Дела», то очевидным становится вся бесчеловечность сталинской системы.

Плакаты и открытки из фондов ГМПИР блокадного периода и первых послевоенных лет создают образ ленинградской судьбы, в уникальности которой было убеждено то поколение городских руководителей. Потом это стало одним из поводов для обвинений в адрес фигурантов «Ленинградского дела», которые якобы пропагандировали «ленинградскую исключительность».

В материалах А.П. Смирнова представлены основные этапы жизненного пути лиц, оказавшимися впоследствии жертвами этой трагедии. В их судьбе было немало общего. Можно утверждать, что они являлись представителями одного поколения. Многие из них родились между 1902-м и 1906-м годами. В этот же период, кстати, родились и Л.И. Брежнев, и А.Н. Косыгин. И если бы не «Ленинградское дело», то кто-то из его основных фигурантов почти со 100%-ной вероятностью оказался бы в числе руководителей СССР в 1950–188

1970-е годы и смог бы стать надежной опорой косыгинских реформ, а возможно, и главным организатором модернизационного и реформаторского процессов в стране. И тогда не исключено, что вся отечественная история второй половины XX в. могла оказаться совсем иной. Всех их объединяет и тот факт, что они – выходцы из разных регионов – приезжали в Ленинград не только ради заработков, но в первую очередь ради получения высшего образования. Это было первое поколение в череде руководителей Ленинграда, в котором почти все получили вузовские дипломы. А всего среди расстрелянных по «Ленинградскому делу» свыше 80% имели высшее образование. Можно привести и такой показательный факт. К 1950 г. в Ленинградской партийной организации снизилась доля коммунистов с высшим образованием, что случилось ранее лишь однажды – в годы Великой Отечественной войны [6].

Будущие жертвы «Ленинградского дела» пришли во властные структуры в период «Большого террора». Однако слишком упрощенными и надуманными представляются утверждения, будто на смену ленинской гвардии шла «волна рвавшихся к власти и выгодным постам нахрапистых карьеристов и мещан» [1]. Карьерное продвижение в то время сулило не только и не столько блага, сколько риск и опасность, приходилось постоянно опасаться за свою судьбу. И многие из «ленинградцев» прошли по краю лезвия репрессий 1937–1938 гг., чудом избежав ареста. Огромную роль в их судьбе сыграла Великая Отечественная война. Большинство из них именно в этих экстремальных условиях ленинградской блокады стали опытными управленцами. Тогда произошла и серьезная метаморфоза в их духовном багаже и мировоззрении.

Сформировавшиеся в государстве тоталитарного типа, ленинградские представители советско-партийной номенклатуры не помышляли о его уничтожении, их сознание еще было наполнено догмами сталинской эпохи, им были свойственны все те недостатки, которые сталинская система прививала своим подручным. Однако представляется, что попали они под маховик репрессий не за то, что их сближало с общей массой партийных функционеров, а именно за то, что их выделяло. Социальная модернизация патриархального российского общества в 1930–1940-е годы неизбежно вела к появлению автономной личности, не нуждавшейся во внешнем контроле и способной самостоятельно направлять свою жизнь. «Ленинградцы» оказались в авангарде этого процесса. Их поведение, внутренний мир все более выходили за пределы сталинского государства и становились предвестником «оттепели». Здесь сыграли роль и развивающая сила образования, и созидательная культурная среда города на Неве. Очевидно, что нельзя сводить «Ленинградское дело» к борьбе за власть в Кремле. Сталин инстинктивно учуял в этом новом со-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

циальном слое угрозу для существования режима и беспощадно расправился с ним.

Лев Александровича – сын бывшего ректора ЛГУ А.А. Вознесенского, племянник председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского – сам прошел через испытания «Ленинградского дела». Один из немногих, он получил возможность ознакомиться с архивными документами, на которых до настоящего времени стоит гриф секретности. В них, в частности, содержится переписка министра госбезопасности В. Абакумова со Сталиным, из которой видно, что именно вождь являлся инициатором, сценаристом и режиссером-постановщиком судебного фарса над «ленинградской группой». Лев Александрович так раскрывает механизм фабрикации этого дела:

«Министерство Государственной Безопасности, точнее, Абакумов письменно запрашивает не у прокурора, а у Сталина разрешение на арест намеченной жертвы и тут же получает его – обычно в виде черты или иного значка на этом документе; человека арестовывают под любым надуманным предлогом или даже без него; пытками вырывают нужные показания против самого подследственного и других людей и передают первичный протокол руководству министерства; так называемый обобщенный, т.е. обработанный и доведенный до нужной кондиции в ближайшем окружении министра протокол допроса с устраивающими руководство формулировками “спускается” в кабинет следователя, где арестованного заставляют уговорами или (и) избиениями и пытками подписать этот документ; он направляется Сталину в сопровождении списка лиц, “всплывших” в ходе допроса, с указанием их бывших или исполняемых пока должностей и с перечнем предполагаемых или установленных прегрешений (например, скрыл от партии что-то о двоюродном брате), нередко с прямым запросом на новые аресты; генералиссимус ставит свои знаки на документе, или дает словесные указания Поскребышеву (тот делает на нем соответствующие пометки), или вызывает Абакумова – и маховик раскручивается, масштабы “дела” быстро увеличиваются до тех пор, пока число арестованных не достигает той “критической массы”, которая требуется для фабрикации очередного “дела” об антипартийной, антисоветской, антигосударственной, заговорщической, террористической и прочее, и прочее группе, а то и организации; далее следует закрытый или формально “открытый” процесс, а чаще всего вынесение внесудебными органами и исполнение приговоров в отношении “виновных”; затем производится, можно сказать, зачистка – аресты и осуждения членов их семей, сослуживцев и знакомых, которым предстоит пройти примерно тот же путь...» [9, с. 29].

Благодаря изысканиям доктора исторических наук Владислава Александровича Кутузова убедительно опровергаются домыслы, будто «ленинградская группа» хотела создать российскую компартию (РКП), что якобы неминуемо привело бы к краху СССР. Но «ленинградцы» никогда не ставили

190

вопроса о создании РКП, никакой организованной группы они не составляли, не устраивали сепаратных встреч и не договаривались о совместных акциях. В.А. Кутузов доказывает надуманность и других обвинений, в частности, будто организованная в Ленинграде в январе 1949 г. Всероссийская оптовая ярмарка нанесла государству ущерб в размере 4 млрд. руб. Эта фантастически огромная цифра является выдумкой, ведь это была оптовая ярмарка, на которую доставили лишь образцы товаров 450 наименований. По представленным образцам заключались сделки. Всего в ходе ярмарки было предложено заключить договоров на поставку промышленных товаров на 6 млрд. руб., а продовольственных – на 2 млрд. руб. [9, с. 49; Ленинградская правда, 1949. 8, 11, 21 января]. В.А. Кутузов делает справедливый вывод: основной замысел некоторых современных «сочинителей» состоит в том, чтобы «оправдать деяния Сталина, надо во второй раз подвергнуть “расстрелу” жертв “Ленинградского дела”, постаравшись доказать их вину, несмотря на очевидные факты» [9, с. 49].

Живучести различных мифов, связанных с «Ленинградским делом», в значительной мере способствовала и та атмосфера таинственности и закрытости, в которой оно фабриковалось и разворачивалось. Многие документы о тех событиях и по сей день недоступны исследователям. Среди опубликованных официальных документов, относящихся к фабрикации «Ленинградского дела», есть Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о снятии с должностей А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова от 15 февраля 1949 г.; Постановление объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) по итогам обсуждения постановления Политбюро «Об антипартийных действиях А.А. Кузнецова, М.И. Родионова и П.С. Попкова» от 22 февраля 1949 г., фрагменты закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьёва и др.», составленного Г.М. Маленковым и Л.П. Берия 12 октября 1949 г. Все эти документы позволяют увидеть, как менялось отношение вождя к «ленинградской группе», как ужесточались формулировки обвинений. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков названы еще «товарищами», хотя их действия уже определялись как антипартийные, антигосударственные. Зато в подготовленном Г.М. Маленковым и Л.П. Берия по заказу Сталина и «поправленном» им проекте закрытого письма Политбюро от 12 октября 1949 г. речь идет уже о «враждебно-шпионской террористической группе».

Основные положения представленных документов вошли в обвинительное заключение и приговор центральной группе обвиняемых по «Ленинградскому делу», который был вынесен в ходе якобы «открытого» судебного процесса над ними в конце сентября 1950 г. в Ленинграде. Теперь полный

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

текст приговора Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 сентября 1950 г., полученный из Центрального архива ФСБ, стал достоянием общественности.

Увидели свет и документы Министерства государственной безопасности о расстреле и захоронении на спецобъекте в Левашовской пустоши праха Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, П.Г. Лазутина (9).

Среди личных документов, репрессированных по «Ленинградскому делу», стоит отметить в первую очередь дневниковые записи Эмиля Петровича Бояра, которые он вел во Владимирской тюрьме. Бывший заместитель председателя исполкома Ленинградского облсовета был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР на 25 лет тюремного заключения. Только уже после вынесения приговора и этапирования в тюрьму он получил карандаш и выплеснул на бумагу накопившиеся чувства и мысли. Этот документ позволяет не только узнать о тюремных буднях, но и понять, что переживали и ощущали эти люди, преданные коммунистической партии и Сталину, но не понимавшие причин, по которым они оказались в неволе.

«...Никогда в жизни своей не думал я, что следственные органы могут так поверхностно, бесшабашно, неглубоко, наивно и необъективно подходить к обвинению человека... Государственный преступник (о, ужас!) и без единого обвинения и без единой очной ставки, без единого свидетеля. Ничего, ничего не понимаю!

...Если бы я был бы осужден фашистским судом, то это осуждение я принял бы гордо и безропотно; считал бы себя заслуженно осужденным и считал бы для себя это даже честью. Я так же невинен для своей Родины, как дитя в утробе матери» [9, с. 69].

Другой отрывок из дневника дает наглядное представление о методах сталинских следователей: «Никто, кроме следователя, со мной не говорил, если не считать того, что на третий день следствия в кабинет к следователю пришел... человек, оказавшийся – как я впоследствии узнал – полковником, заместителем начальника следственного отдела МГБ, который, убедившись у следователя, что я не признаю за собой никакой вины, а также предъявленных мне фантастических обвинений, взял меня основательно “за воротки” и как следует потряс головою о стенку, так как я стоял у стенки. После чего предложил следователю как следует меня вздуть, пригласив для этой цели двух-трех бойцов» [9, с. 73].

В письме Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву, написанном из лагеря Сергеем Иосифовичем Авакумовым раскрываются методы ведения следствия над арестованными по «Ленинградскому делу», и огромные усилия следователей по выдумыванию обвинений в их адрес. Для нас личность С.И. Авакумова особенно интересна тем, что в 1935–1936 гг. он был директо-

ром ГМР [8]. Ему как бывшему члену редколлегии журнала Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) «Пропаганда и агитация» органы поставили в вину, что «в этом журнале печатались доклады и статьи Кузнецова и Попкова, пропитанные духом ленинградского квасного патриотизма» [9, с. 87].

Одним из сложных и болезненных сюжетов в истории «Ленинградского дела», который также муссируется современными апологетами Сталина, является вопрос о нравственном облике ленинградской советско-партийной элиты 1940-х годов, в частности об их коррумпированности, которая якобы и стала причиной для их наказания. Известно, что Сталин развращал номенклатуру привилегированным положением, материальными подачками, а потом при случае наказывал их за злоупотребления. На основе рассекреченных архивных документов можно утверждать, что никаких весомых подтверждений коррумпированности большинства снятых ленинградских руководителей обвинители представить так и не смогли.

Так, в объяснительной записке (1956) бывшего управляющего делами Ленинградского обкома партии Филиппа Егоровича Михеева в партийную комиссию при Ленинградском ОК КПСС опровергаются обвинения в адрес ленинградских лидеров в «бытовой распущенности», пьянстве, а также необоснованном расходовании денежных средств. Ф.Е. Михеев приводит факты, свидетельствующие о том, как фабриковались эти обвинения. «Меня лично неоднократно вызывал по ночам бывший заведующий особым сектором Ленинградского обкома Романов, который добивался от меня письменного материала, заведомо порочащего секретарей, причем данные мною объективные показания не удовлетворяли его, и мне пришлось несколько раз их переписывать. Несмотря на это он заявил, ...что если я не буду раскрывать “преступления” секретарей, то я должен буду пенять на себя. Так как мои показания не удовлетворили Андрианова, Ладыгина и Романова, то меня еще до ареста и исключения из партии, вызывали в Управление МГБ, где у меня требовали таких показаний, которых требовал и Романов» [9, с. 94]. Кстати, что же из имущества сумели сотрудники МГБ описать у бывшего управляющего делами? Об этом говорит бесстрастный документ, хранящийся в ГМПР, «Опись имущества, на которое наложен арест»:

«1. Костюмы мужские темно-синего бостона – 2 (старые).

2. Пальто мужское зимнее коричневого драпа с котиковым воротником – 1 (ношеное).

3. Пианино иностранной фирмы “Найдорф” черного цвета – 1 (исправное)» [7].

Такого же рода «описи» имущества других арестованных «ленинградцев» свидетельствуют об отсутствии у них предметов роскоши и драгоценностей.

В воспоминаниях репрессированного по «Ленинградскому делу» «члена семьи изменников Родины» – сына Ф.Е. Михеева – Валерия Филипповича нашел отражение и такой трагикомический эпизод. Стремясь во что бы то ни стало добыть хоть какие-нибудь доказательства коррупции в действиях его отца, сотрудники Госбезопасности придумали версию о том, что он незаконно держал на обкомовской даче в Ольгино корову и, приехав туда, «подробно расспрашивали соседей про ими же придуманную корову». К чести соседей, они эту клевету не подтвердили [9, с. 111].

Материалы музейных фондов и архивных источников позволили составить список репрессированных по «Ленинградскому делу». В нем приведены фамилии около 300 человек с краткими биографическими сведениями [9, с. 123–165]. Это, конечно, не окончательный перечень, необходимо выявлять и другие имена жертв «Дела», чтобы восстановить историческую справедливость в отношении людей, сделавших многое для того, чтобы отстоять наш город в период гитлеровской блокады и отстроить его в послевоенные годы. Особенно это необходимо для молодого поколения, которое, к сожалению, в силу ряда обстоятельств до сих пор испытывает острый недостаток объективной информации о многих важных и трагических событиях отечественной истории XX столетия. Без правдивой истории страны место правды занимают мифы.

Данное издание – это, прежде всего, дань памяти ленинградцам – жертвам политических репрессий. Сохранение исторической памяти – один из важнейших залогов построения гражданского общества, невозможности повторения подобных трагедий в будущем.

Авторы надеются, что издание будет способствовать популяризации музейных коллекций.

Литература

1. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991. – С. 78.
2. Жирнов Е. «Во вражеской группе готовился перенос столицы в Ленинград» // Коммерсант Власть. 2000. 6 сентября; Костырченко Г. Маленков против Жданова. Игры сталинских фаворитов // Родина. – 2000. – № 9; Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: Реабилитация // Университетские Петербургские чтения: 300 лет Северной столице. Сб. статей. – СПб., 2003; Пыжиков А.В. Ленинградская группа: Путь во власть (1946–1949) // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 3.
3. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 2. – С. 126–133.
4. Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: К вопросу о количестве репрессированных // Петербургские чтения 98–99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург 2003». – СПб., 1999.
5. «Ленинградское дело». – Л., 1990.
6. Ленинградская организация КПСС в цифрах. – Л., 1968. – С. 80.

7. Опись имущества арестованного Михеева Ф.Е. 16 мая 1950 г. – ГМПир Ф. VI. Вс. № 3704.

8. Подробнее о судьбе С.И. Авакумова см.: Музыченко В.А. Сергей Иосифович Авакумов – директор Государственного музея Революции // ГМПир: 90 лет в пространстве истории и политики. – М., 2010. – С. 88–94.

9. Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Под ред. А.М. Кулегина; Сост. А.П. Смирнов. – СПб.: Норма, 2009. – 224 с., ил.